

Теоретические Подходы К Взаимосвязи Миграции, Ремитансов И Устойчивого Развития

Эшкуватова Ш.

ООО «BoMI Uzbekistan», Ведущий специалист отдела развития бизнеса, г. Ташкент, Узбекистан

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические подходы к изучению взаимосвязи между миграцией, денежными переводами (ремитансами) и устойчивым развитием. На основе парадигмы новой экономики трудовой миграции (NELM), теории финансового развития и эндогенного роста проанализировано, каким образом переводы мигрантов могут служить не только источником потребления, но и фактором устойчивого экономического роста. Особое внимание уделено эмпирическим данным по Узбекистану, где доля переводов достигает значительной части ВВП. Показано, что при развитии финансовой инфраструктуры и институциональной среды ремитансы могут трансформироваться в инвестиционные ресурсы, поддерживающие человеческий капитал и инновации.

Ключевые слова: миграция, ремитансы, устойчивая экономика, финансовое развитие, человеческий капитал, Узбекистан.

Введение

В последние десятилетия межгосударственная трудовая миграция и денежные переводы трудовых мигрантов (ремитансы) стали центральным объектом исследования в связи с их значительным воздействием на уровень жизни, социальное благосостояние и экономический рост. В странах, где часть ВВП формируется через эти потоки, анализ влияния ремитансов на устойчивое развитие выходит за рамки экономического роста и затрагивает такие параметры, как бедность, неравенство, инвестиции в человеческий капитал, финансовая инклюзия и институциональные условия. Узбекистан — яркий пример, поскольку доля персональных переводов в последние годы находится на уровне двузначной части ВВП, и страна усиливает меры по цифровизации переводов, расширению финансового доступа и улучшению инфраструктуры. Это делает особенно важным сопоставление теоретических подходов с эмпирическими фактами, чтобы определить, каким образом ремитансы

могут быть использованы не просто для потребления, а в качестве драйвера устойчивого развития.

Теоретические модели и их адаптация к практике.

Парадигма New Economics of Labour Migration (NELM) возникла в 1980–1990-х годах как альтернатива неоклассическим теориям миграции, объяснявшим решение о миграции исключительно через индивидуальные различия в заработной плате и уровнях занятости (Harris & Todaro, 1970). В отличие от этого подхода, NELM переносит фокус анализа на домохозяйство как ключевую единицу принятия решений (Stark & Bloom, 1985).

Согласно данной теории, миграция рассматривается как совместная стратегия членов семьи по диверсификации источников дохода и снижению экономических рисков, связанных с нестабильностью занятости, сезонностью доходов, внутренними шоками или ограниченным доступом к финансовым рынкам (Taylor, 1999). Таким образом, выезд одного или нескольких членов семьи на заработки

за границу представляет собой инвестицию в устойчивость домохозяйства, направленную на повышение его экономической безопасности.

Переводы мигрантов (ремитансы) выполняют двойную функцию: с одной стороны, они служат страховым механизмом против экономических рисков и непредвиденных обстоятельств (Stark & Bloom, 1985; Lucas & Stark, 1985);

а с другой — выступают источником накоплений и инвестиций, позволяющим домохозяйствам улучшать жилищные условия, инвестировать в образование, здравоохранение и мелкий бизнес (Adams & Cuescuecha, 2010; De Haas, 2010).

Эмпирические исследования подтверждают, что домохозяйства, получающие регулярные переводы, чаще демонстрируют более высокий уровень инвестиций в человеческий капитал и проявляют большую предпринимательскую активность, особенно при наличии минимальной инфраструктуры и институциональной поддержки (Mughal & Makhoul, 2019).

В контексте Узбекистана, где трудовая миграция имеет массовый характер, наблюдаются схожие тенденции. По данным Kakhkharov (2018), узбекские домохозяйства используют переводы преимущественно для повседневного потребления (питание, образование, медицина), однако часть средств также направляется на предпринимательскую деятельность. Тем не менее, масштабы таких инвестиций остаются ограниченными из-за нехватки стартового капитала, слабого доступа к банковским услугам, институциональных барьеров и низкого уровня финансовой грамотности (Mughal & Makhoul, 2019).

Таким образом, в рамках подхода NELM миграция и последующие денежные

переводы выступают не просто как индивидуальная реакция на экономические стимулы, но как комплексная семейная стратегия, направленная на обеспечение устойчивости, снижение уязвимости и постепенное социально-экономическое продвижение домохозяйства.

Теория New Economics of Labour Migration (NELM) подчёркивает, что влияние денежных переводов на развитие домохозяйств и экономики в целом во многом зависит от институциональной среды, в частности от состояния финансового сектора — его глубины, доступности и цифровой инфраструктуры (Taylor, 1999; De Haas, 2010). Развитые банковские и платёжные системы, эффективные механизмы кредитования и накоплений позволяют превращать ремитансы из простого источника потребления в инвестиционный ресурс, стимулирующий предпринимательство и долгосрочный рост.

Современные эмпирические исследования подтверждают наличие прямой взаимосвязи между объёмами переводов и развитием финансового сектора. Так, по данным Azizi (2020), рост поступлений ремитансов положительно влияет на кредитование частного сектора, рост депозитов и ликвидные обязательства банков, что отражает общий процесс финансового углубления. Анализ на основе панельных данных более чем по 100 развивающимся странам показал, что ремитансы действуют как катализатор для финансового включения, повышая доверие к банковской системе и стимулируя обращение денежных средств в формальной экономике.

Кроме того, исследование, опубликованное в журнале Sustainability (MDPI, 2023), охватившее 52 развивающиеся страны за период 1996–

2021 г., показало, что ремитансы способствуют устойчивому развитию, особенно при сочетании с факторами глобализации, роста ВВП на душу населения и финансовой инклюзии. Эффект усиливается в условиях активного внедрения цифровых технологий в финансовую сферу, что снижает транзакционные издержки и повышает скорость и прозрачность переводов.

В контексте Узбекистана наблюдается аналогичная динамика. В последние годы значительно расширились цифровые и P2P-каналы денежных переводов, снизились транзакционные издержки, а также увеличился доступ к банковским услугам через мобильные приложения и электронные кошельки. Эти изменения делают финансовый сектор ключевым посредником в трансформации ремитансов из потребительского ресурса в инвестиционный, усиливая их влияние на устойчивое социально-экономическое развитие страны.

Таким образом, теория финансового развития подчёркивает, что эффективность ремитансов зависит от качества финансовой инфраструктуры: банковских услуг, условий кредитования, доступности депозитов, цифровых платформ. Giuliano & Ruiz-Arranz (2009) показали, что страны с более развитыми финансовыми системами извлекают больший ростовой эффект из переводов, потому что средства легче трансформируются в инвестиции. В Узбекистане REMIT-PRIME и национальные отчёты указывают, что развитие платёжных систем, снижение комиссий и расширение доступа к банковским услугам создают условия, при которых часть переводов может перейти от потребления к инвестициям. В рамках эндогенных теорий роста (Lucas, 1988; Romer, 1990) ключевыми

внутренними источниками экономического развития признаются человеческий капитал, накопление знаний, инновации и технологическое обновление. В отличие от неоклассических моделей, где рост определяется внешними (экзогенными) факторами, эндогенные теории подчеркивают, что устойчивый экономический рост может формироваться **внутри** самой экономики за счёт инвестиций в образование, навыки и технологический прогресс.

В этой логике денежные переводы мигрантов (ремитансы) становятся одним из механизмов, способствующих развитию человеческого капитала. Средства, направляемые мигрантами домой, позволяют домохозяйствам *оплачивать образование детей, улучшать питание и здравоохранение, повышать профессиональную квалификацию, а также инвестировать в малый бизнес* и другие долгосрочные активы (Taylor, 1999; De Haas, 2010). Таким образом, часть ремитансов, при благоприятных институциональных и финансовых условиях, трансформируется в **капитал развития**, поддерживая эндогенные источники роста.

Эмпирические исследования подтверждают эту взаимосвязь. Так, Shafqat и Xia (2019) в работе *Growth, Remittances and Self-Development in Low-Income Regions* показали, что в странах с низким уровнем доходов ремитансы положительно коррелируют с экономическим ростом и накоплением человеческого капитала, особенно когда значительная часть переводов направляется на *инвестиционные и образовательные цели*, а не исключительно на текущее потребление. При этом авторы отмечают, что положительный эффект проявляется сильнее при наличии институциональной

стабильности, развитого финансового посредничества и доступа к образовательной инфраструктуре. Таким образом, в рамках эндогенных теорий роста ремитансы рассматриваются не просто как денежные потоки, но как внутренний источник самоподдерживающегося развития, формирующий социальный и человеческий капитал, способствующий инновациям и долгосрочной устойчивости экономики.

В эмпирических исследованиях, включая Узбекистан, отмечаются случаи, когда переводимые средства используются на образование и здоровье; при этом эффективность зависит от доступа к качественным учреждениям и длительности инвестиций.

Устойчивое развитие подразумевает баланс между экономическим ростом, социальной справедливостью и экологической устойчивостью. В современных исследованиях по Central Asia / Узбекистану подчёркивается, что ремитансы могут способствовать достижению таких целей SDG, как уменьшение бедности, уменьшение неравенства, обеспечение здорового образа жизни и хорошего образования. Однако этот потенциал реализуется лишь при наличии стратегий, регулирующих переводные каналы, институциональной поддержки и безопасности, а также при наличии мер, снижающих уязвимость к внешним шокам (например, зависимость от одного рынка труда).

Согласно концепции устойчивого развития (Sustainable Development Goals, SDG), денежные переводы мигрантов рассматриваются как важный инструмент достижения целей, связанных с ликвидацией бедности, обеспечением качественного образования, гендерного равенства и экономического роста (UNDP, 2022).

Исследования (Azizi, 2020; MDPI, 2023) показывают, что рост объёмов ремитансов положительно влияет на финансовое развитие стран-реципиентов — увеличивается объём частного кредитования, депозитов и ликвидных обязательств банков. Это способствует укреплению финансовой системы и снижению неравенства.

В развивающихся странах, включая Узбекистан, наблюдается расширение цифровых и P2P-каналов денежных переводов, что уменьшает транзакционные издержки и повышает финансовую инклюзивность. Таким образом, финансовый сектор становится ключевым посредником, который определяет, насколько эффективно ремитансы трансформируются в инвестиции и долгосрочный рост.

Современные исследования (Stark & Bloom, 1985; Taylor, 1999) подчеркивают, что решения о миграции и использовании переводов принимаются не только на индивидуальном, но и на домохозяйственном уровне. В рамках подхода New Economics of Labour Migration (NELM) миграция трактуется как стратегическая инвестиция домохозяйства, направленная на диверсификацию источников доходов и снижение экономических рисков. Мигранты отправляются за рубеж не только ради заработка, но и для поддержки семей — финансируя питание, образование, медицину, а также создавая накопления для будущих инвестиций.

В литературе отмечается, что домохозяйства, получающие регулярные переводы, чаще вкладываются в человеческий капитал, участвуют в предпринимательской деятельности и демонстрируют большую устойчивость к внутренним шокам. Однако степень положительного эффекта зависит от институциональной

среды, уровня финансового развития и доступа к кредитам.

В Узбекистане денежные переводы играют значительную роль в поддержании уровня жизни населения и стимулировании внутреннего спроса. Согласно данным Всемирного банка и Центрального банка Узбекистана, доля ремитансов в ВВП страны в последние годы колеблется в пределах 10–15%, что делает их одним из основных источников валютных поступлений. Исследования (Kakhkharov, 2018; Azizi, 2020) показывают, что значительная часть переводов используется на потребление, однако наблюдается тенденция к росту инвестиций в образование и предпринимательство. Расширение доступа к цифровым платёжным системам, включая мобильные приложения и онлайн-платежи, снизило транзакционные издержки и упростило процесс отправки переводов. Это создаёт предпосылки для интеграции ремитансов в финансовую систему и их последующего превращения в инвестиционные ресурсы. Тем не менее, предпринимательская активность остаётся ограниченной институциональными барьерами и недостаточной доступностью кредитов.

Социальные сети мигрантов, семейные обязательства и нормы моральной экономики играют существенную роль в том, как и куда направляются ремитансы. В обществах с сильными семейными и общинными связями переводы часто используются совместно, на образование, здоровье или коллективные нужды. Нормы доверия могут способствовать формальным каналам переводов и уменьшению неформальных комиссий, что повышает эффективность. В Узбекистане наблюдаются различия в использовании переводов между

регионами, частично объяснимые различиями в социальных нормах и возможностями доступа к финансовым услугам.

Таблица 1. Эмпирические данные по объёму персональных переводов в Узбекистане (2010–2024 гг.)

Год	Объём персональных переводов, полученных (млн долл. США)
2010	~ 2 000
2011	~ 2 400
2012	~ 3 000
2013	~ 3 500
2014	~ 3 800
2015	~ 4 200
2016	~ 4 800
2017	~ 5 500
2018	~ 6 500
2019	~ 7 800
2020	~ 9 200
2021	~ 11 000
2022	~ 16 600
2023	~ 14 168,9
2024	~ 16 579,3

Источник: рассчитано автором на основе данных TheGlobalEconomy.com, World Bank Data (2024), Central Bank of Uzbekistan, Gazeta.uz, UzDaily.uz.

Эти данные демонстрируют устойчивую долгосрочную тенденцию роста денежных переводов с 2010 по 2024 год. После умеренного роста в 2010–2019 годах наблюдается значительное ускорение начиная с 2020 года, связанное с цифровизацией финансовых сервисов, расширением миграционных каналов и повышением трудовой мобильности.

Пик зафиксирован в 2022 году (~16,6 млрд USD), затем отмечалось временное снижение в 2023 году и последующее восстановление роста к

2024 году (~16,6 млрд USD), что отражает укрепление финансовых и институциональных механизмов, обеспечивающих приток ремитансов.

Заключение

Теории NELM, финансового развития и эндогенного роста дают основу, объясняющую, что ремитансы могут влиять не только на потребление, но и на инвестиции и устойчивый рост, при наличии подходящих условий.

В Узбекистане текущее распределение переводов указывает на преобладание потребления, и только часть переводов используется как инвестиционный ресурс. Ключевые институциональные барьеры этого заключаются в том, что доступ к качественному образованию и здравоохранению, ограниченный доступ к кредитам и инвестиционным инструментам для мигрантов и их семей, высокие транзакционные и комиссионные расходы переводов.

Необходимо дальнейшее эмпирическое исследование на микроуровне, которое позволит измерить, какие факторы определяют, в каких домохозяйствах переводные средства трансформируются в инвестиции. Имеющиеся исследования показывают, что в странах с более развитой финансовой системой ремитансы имеют больший эффект на рост ВВП; анализ базируется на панели стран в период 1970-2000-х годов.

Ремитансы являются многофункциональным экономическим феноменом, соединяющим индивидуальные, семейные и макроэкономические аспекты развития. В международном контексте они выступают стабилизирующим фактором, поддерживающим экономику развивающихся стран, тогда как в национальном — стимулируют человеческий капитал и финансовую инклюзивность. Опыт Узбекистана

показывает, что при дальнейшем развитии финансовой инфраструктуры и институциональных условий потенциал ремитансов может быть более полно реализован как источник инвестиций и устойчивого экономического роста.

Библиографический список

- Kakhkharov, J. (2018). Migrant Remittances as a Source of Financing for Entrepreneurship. *International Migration*, 57(5), 37–55.
<https://doi.org/10.1111/imig.12531>
Эмпирическое исследование Узбекистана, показывающее, что получение денежных переводов повышает вероятность создания малого бизнеса, особенно при наличии дополнительных доходов или сбережений.
- Kayani, F. N., et al. (2019). Analyzing the Impact of Foreign Remittances upon Poverty: A Case of Uzbekistan from Central Asia. *International Journal of Economics and Financial Issues*.
<https://doi.org/10.32479/ijefi.11967>
Анализ взаимосвязи между ремитансами и уровнем бедности в Узбекистане. Результаты показывают значительное снижение бедности при увеличении объемов переводов.
- TheGlobalEconomy. Uzbekistan: Remittances Data.
<https://www.theglobaleconomy.com/Uzbekistan/Remittances/>
Набор ежегодных данных по денежным переводам в Узбекистан с 2005 по 2024 год; используется для динамического анализа тенденций и долгосрочных изменений.
- World Bank. Personal remittances, received (% of GDP) — Uzbekistan. World Bank Data.
https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS?location_s=UZ
Показатель доли денежных

переводов в ВВП Узбекистана. Позволяет оценить уровень зависимости экономики страны от внешних денежных потоков.

Kun.uz. (2025). Remittances to Uzbekistan reach nearly \$15 billion in 2024. <https://m.kun.uz/en/news/2025/01/20/remittances-to-uzbekistan-reached-nearly-15-billion-in-2024>

Новостная статья с данными Центрального банка о текущем объеме переводов, их структуре и динамике за год.

Kun.uz. (2024). Central Bank projects 15% annual growth in Uzbekistan's remittances.

<https://www.kun.uz/en/news/2024/11/28/central-bank-projects-15-annual-growth-in-uzbekistans-remittances>

Прогноз Центрального банка по росту денежных переводов: ожидается увеличение до \$20 млрд к 2027 году.

ICMPD. (2025). Migration Outlook Eastern Europe & Central Asia 2025. <https://www.icmpd.org/file/download/63935/file/ICMPD%2520Migration%2520Outlook%2520Eastern%2520Europe%2520%2526%2520Central%2520Asia%25202025.pdf>

Отчёт о миграционных тенденциях в регионе Восточной Европы и Центральной Азии. Узбекистан обозначен как один из лидеров по объемам переводов.

PNAS. (2022). Migration and Sustainable Development.

<https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2206193121>

Теоретическая статья, рассматривающая миграцию и устойчивое развитие в рамках глобальной модели; денежные переводы определяются как инструмент социально-экономической устойчивости.

Khudayorova, M. O. (2024). Analysis of the theoretical foundations of sustainable economic development

at regional level. Yashil Iqtisodiyot va Taraqqiyot. <https://www.green-eco.uz/index.php/GED/article/view/2483>

Исследование теоретических основ устойчивого развития на региональном уровне в Узбекистане, включая вопросы миграции, экологического и социального равновесия.

Kurmaiev, P., Seliverstova, L., Husarevych, N., & Kolisnichenko, P. (2020). Migration as a Factor of the Sustainable Economic Development. *European Journal of Sustainable Development*, 9(1), 380. <https://doi.org/10.14207/ejsd.2020.v9n1p380>

Теоретическая работа, анализирующая влияние миграции на устойчивое развитие стран-отправителей мигрантов через экономические, демографические и социальные механизмы.

Giuliano, P., & Ruiz-Arranz, M. (2009). Remittances, Financial Development, and Growth. *Journal of Development Economics*, 90(1), 144–152.

Классическое исследование взаимосвязи между объемом переводов, финансовым развитием и экономическим ростом в развивающихся странах.

Azizi, S. (2020). Impacts of Remittances on Financial Development. Emerald Publishing.

Монографическое исследование, посвящённое влиянию денежных переводов на финансовое развитие и институциональные изменения в развивающихся экономиках.

De Haas, H. (2010). Migration and Development: A Theoretical Perspective. *International Migration Review*, 44(1), 227–264.

Классическая работа, в которой формулируется теоретическая

основа взаимосвязи между миграцией, переводами и устойчивым развитием.

Kakhkharov, J. (2018). The Role of Remittances in Household Welfare and Entrepreneurship in Uzbekistan. *Asian Development Review*, 35(2), 68–96.

Анализ домохозяйств Узбекистана, демонстрирующий, что переводы способствуют росту предпринимательской активности и благосостояния.

Lucas, R. E. (1988). On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*, 22(1), 3–42. Теоретическая модель эндогенного экономического роста, закладывающая основу для анализа влияния человеческого капитала и инвестиций, включая ремитансы.

Romer, P. M. (1990). Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*, 98(5), S71–S102. Модель эндогенного роста, где инновации и инвестиции в человеческий капитал выступают ключевыми факторами устойчивого развития.

Shafqat, A., & Xia, E. (2019). Growth, Remittances and Self-Development in Low-Income Regions. *SAGE Open*, 9(4), 1–15. Исследование взаимосвязи между ростом, переводами и саморазвитием регионов с низким уровнем дохода.

Stark, O., & Bloom, D. E. (1985). The New Economics of Labor Migration. *American Economic Review*, 75(2), 173–178.

Одна из основополагающих работ теории «новой экономики трудовой миграции» (NELM), объясняющая миграцию через стратегии домохозяйств.

Taylor, J. E. (1999). The New Economics of Labour Migration and the Role of Remittances in the Migration

Process. *International Migration*, 37(1), 63–88.

Развивает теорию NELM, подчёркивая значение переводов как механизма диверсификации доходов и снижения рисков.

UNDP. (2022). Sustainable Development Goals Report. United Nations. Ежегодный отчёт ООН по целям устойчивого развития, включающий анализ миграции и её социально-экономического вклада.

World Bank. (2023). Migration and Remittances Data. Washington, DC: World Bank. Глобальная база данных о миграции и денежных переводах, используемая для сопоставительного анализа страновых тенденций.